

КРЕСЛО № 13 Эдуард ГРАФОВ

Кому улыбалась Кабирия

Люди не устали от кошмаров — просто перестали на них реагировать

САМЫМ некультурным человеком в моей жизни был спившийся возчик детского тубдиспансера дядя Петя Крылов. Его живописные туалеты наглядно убеждали, что под одеждой все люди голые. Но не только это роднит его с нынешними музыкальными ансамблями. Он еще к тому же очень много пел.

Правда, не из телевизора. Но пел тоже очень много. И тоже совершенно невозможно было понять, про что же именно он все-таки поет. Впрочем, однажды многоопытная спутница изложила мне либретто исполняемого со сцены. Оказалось, оттуда орут до потери сознания, что «метла не идет, а дождь идет». Вот в такую лживую, невыносимую эпоху приходится жить. Крутые парни!

Мне иногда кажется, что это вовсе не хит-парад, а пародия. Что они кого-то передразнивают, то есть работают клоунами. Но клоун без чувства юмора?

Я понимаю, Время заказывает таланты. И, видимо, ему, Времени, нужны и Алла Пугачева, и Валерий Леонтьев. Но при чем тут полчища мелких наглецов и монотонно-вульгарных девиц? Они-то с какой стати к микрофону присосались?

Конечно, я только делаю вид, что их не понимаю. Все довольно просто — им надо обратить на себя внимание. А как? Чтобы петь, нужно иметь голос, быть артистом и, уж извините, располагать культурой. А если всего этого и в помине нет?

Вот мне и страшно! Нет, не за «музыкантов». Эти пока, как я понимаю, не пропадут. Но мне страшно за ребят, которые под эту «музыку» крушат электрички и справляют малую нужду прямо в зрительном зале. Что ж, каково «искусство», таковы и «аплодисменты». Жаль, когда вместо творческого лица вылезает рожа. И многие мальчишки и девчонки ищут в ней черты лица.

В «СУРЬЕЗНОМ» искусстве дело обстоит тоже так, но иначе. Там наводят смрад уже не косвенно, а напрямую. Кстати, дядя Петя Крылов в синдроме опохмела обожал экзотически вопить одну и ту же «жуткую историю про жуткий скелет в жутком подвале». Невропатологи это называют «изживанием комплексов». Вот, видимо, и в кино тоже «изживаются».

Представьте себе дом, на который, например, упала атомная бомба. После чего его лет двадцать не ремонтировали. Вот в этом кошмаре и живут какие-то мокрицы типа слизняков, загримированные авторами фильма «Старуха-хармс» под людей. Разного пола, что очень просто распознать, поскольку шастанут они по руинам голяком.

Правда, спасибо, они не разговаривают. Разда два за весь фильм мягкотнулись, а остальное время вопят, визжат и мычат. На какие-то неясные темы. Возможно, о том, что и в нежилых поме-

щениях надо делать ремонт. Если замысел именно таков, то фильм удался на славу.

Исполнителям фильм больших хлопот не доставил. Играть ничего не надо. Достаточно просто изображать перед кинокамерой или разверстую пасть, или раскоряченные ноги, или распятое по этой помойке тело. Такой вот арсенал средств. Подход, так сказать. Конечно, у каждого творца есть право на выбор. Можно, скажем, отобразить голод, как это сделал Кнут Гамсун в своем романе «Голод». А можно, например, нарисовать голую задницу, затянутую паутиной. Как видите, у каждого замысла своя глубина.

Рассказ написал Хармс. А фильм снял Гемс. Я спросил у Гемса: «А при чем тут Хармс?» Он страшно возбудился: «А ни при чем!» Оказывается, режиссер самовыражается. Независимо от Хармса.

Тут ведь вот какая беда. Многие из тех, кто теряет рассудок с помощью «ансамблей», и слыхом не слыхивали о прекрасном писателе Данииле Хармсе. Теперь они с ним познакомятся через этот фильм. И, кстати, получат полно оснований визжать, крушить стулья и потрошить электрички. Вот бы Хармс удивился!

За ребят страшно! Что они возьмут в свою дальнейшую жизнь с помощью таких вот толкователей? Они ведь и впрямь могут поверить что «Бедная Лиза» — клеваая порнуха, а «Братья Карамазовы» — потрясный детектив. Интересно трактовал искусство один мой знакомый официант: «Как подать!»

ДО ЧЕГО ЖЕ плавно развиваются наши размышления! Все так очевидно. Даже поспорить не о чем. Но дальше станет потруднее.

Дмитрий Липскеров опубликовал в журнале «Современная драматургия» пьесу «Семья уродов». О Времени написал. Видимо, и о себе, возможно, и обо мне. Пересказывать содержание сложной пьесы — дело наивное и неправильное. Объясню только, почему, когда я ее дочитал, мне стало всего лишь страшно. До более подробных чувств дело не дошло.

В пьесе четыре главных персонажа. Хетдам — огромный, хромой, уродливый горбун. Александр — трепетный гермафродит. Соня и Дурак — сямские близнецы с тремя ногами, у которых растет четвертая. Вот они-то и выступают в роли людей сложной судьбы.

Не считите, что я капризничаю, — не пугайте, дескать, меня, мне боязно! Я вот что думаю. И даже знаю.

И у самого меня было кое-что, чего лучше бы в жизни избежать. А уж на чужие трагедии, по роду службы, я до невыносимости нагляделся. Так вот, поверьте мне, «навидаемомуся»: обычная трагедия происходит без «антуража». Как говорится, при ярком свете дня. Трагедия не нуждается в гриме и

декорациях. Ей достаточно утлого помещения измученной души.

Ну что мне прибавило к невыносимой людской трагедии персонажей их невыносимое внешнее уродство? Оно только привело меня в омерзение. Говорят — метафора! Господи, да я в этой «метафоре» всю жизнь, отнюдь не будучи гермафродитом или сямским близнецом. Не наряжайте мне трагедию в униформу. Конечно, можно изобрести персонаж, у которого три руки и полторы головы. И даже посадить его в выгребную яму. Безусловно, это произвело бы впечатление. Но в выгребной яме уже не до трагедий. Как некогда заметил мудрый драматург Леонид Зорин, «форма отвлекает от сути».

Суть, однако, не только в этом. Если бы Квазимодо не был горбат, то и роман Виктора Гюго был бы про что-то другое, не про горбуна. Но у Хатдама горб не более чем амуниция. А у Александро мук хватает и без того, что «оно» — гермафродит. И без этой, так сказать, медицинской причуды. Да и не кажется мне трагедия разнопланово сконструированного гермафродита печальней, чем трагедия просто Джульетты. Я ведь человек, и все нечеловеческое мне чуждо.

Дмитрий Липскеров может мне сказать: «Ты не прав!» И я отвечу, но именно Дмитрию Липскерову: «Ладно, будь по-твоему!»

Только вот ведь какая штука получается. С экрана, со сцены идет модный обвал надуманных, назойливых кошмаров. Модный! И дело не в том, что люди от кошмаров устали. Дело в том, что люди перестали на них реагировать. А это уже отупение, адаптация. Адаптация к кошмарам! Я, конечно, не могу посоветовать Дмитрию Липскерову писать «сюж» в какие-нибудь другие, необременительные времена. Но сейчас так получается, что его талант начинает работать на бесталанность «моды».

ДАВАЙТЕ разговор о костюмированном кошмаре и обнаженной трагедии закончим вот на чем.

Когда-то, еще много лет назад, в конце фильма «Ночи Кабирии» я увидел «улыбку Кабирии». И что-то со мной тогда произошло. Позже мне объяснили, что это называется словом «катарсис». А еще позже я понял, что никакого катарсиса не было, не было это во мне душевной разрядкой, просветлением.

В отличие от учеников по кинематографии, я не увидел в этой улыбке веру, надежду, покой. Даже совсем мзлчишкой я прочитал в этой улыбке: «Ну что с вами, люди, поделаешь? Такие уж вы!» Я был потрясен!

О, какую трагедию на меня обрушила эта улыбка!

А утро ведь было тихое и прекрасное. И вокруг добрые, чуть насмешливые лица молодых велосипедистов. А Кабирия шла, улыбаясь, плакала вместе со мной.